

✓  
Борис Рохлин

ЖИЗНЬ И ВОЗНЕСЕНИЕ ВИТАЛИКА

Рассказ

✓

✓ После разрушения семейной жизни и поломки личного очага Виталик зарос волосами на голове и лице, перестал резать ножом батоны и городские булки, а непосредственно откусывал при еде кусок и, слегка пожевав, глотал. Вдобавок от него стало нести псиной, в верхней челюсти выпал один зуб, а в нижних обнаружилась червоточина. Незвесного названия Червячок начал их грызть, и они частично обломились. Волос на лице оказался редким, песочного цвета, а головная растительность опустилась до плеч и тускло сияла при свете летних дней.

Этот упадок личности произошел с некоторой постепенностью, так что не сразу обнаружились горестные иллюстрации одинокого мужского быта. После отхода единственной жены, какая была у Виталика, в неизвестные области жизни, он поклялся глубокой внутренней клятвой не смотреть ни на одно нежного пола существо, хоть оно и является естественным предметом человеческого обихода.

"Но от жизни, пока она есть, никуда не деться", — решил Виталик. И ушел потихоньку через окно высокого этажа, оставив коммунальным соседям стойкий запах больной собаки и открытый из-за двери сквозняк. Вначале Виталик поселился на Ковенском, потому что в те времена там была дурная поломанная мостовая, много было неровностей асфальтовой и булыжной почвы, и в каждой неровности жило по человеку такому же одинокому, как он сам.

Там-то именно Виталик и увидел впервые товарища Загуменных — милиционера городской милицейской службы, ох-

ранявшего переулком, что возник задолго до Виталика и его горестной несогретой теплом противоположного пола жизни. Тихо и сыро было в переулке. Редко какая машина выезжала из ворот автобазы и больше не возвращалась; туман стоял вокруг низко и тепло создавал, не пуская лишнего ненужного одинокому мужскому телу ветра. Редкое солнце негусто сыпало желтый косой луч, поддерживая полезную для жизни температуру.

Товарищ Загуменных в самом малом милицейском звании досматривал за порядком и тишиной вверенного ему участка земли. Грустно, неназойливо нес свою службу, стоял на страже здоровья и покоя местных обитателей.

Поначалу Виталик ни на что не обращал никакого зрительного или иного внимания, из ямки своей не вылезал и вел совсем сонную и беспросветную жизнь: ни голоса не подавал и никаких других знаков принадлежности к человечеству. Только изредка, во сне, словно ему совсем уж снилось трудное и неподобающее обличью человеческого мужского сердца, он начинал скулить и жалобно подвывал, как самое натуральное животное из породы собак.

Но время шло и его благотворное действие стало сказываться на сердце, исхудавшем от боли и неясностей гражданской жизни. Не то, чтобы ему захотелось вернуться в строй активных творцов земных и космических благ, но в голову стали приходить более крепкие мысли и душа уже не так сильно ныла внутри, заново приобретя доступ к впечатлению природы и окружающего внешнего мира.

Первое, что Виталик заметил, когда вернулся к нему зрение, утраченное от сильного переживания чувств, была местная нетрезвая женщина среднего возраста, что стояла, прислонившись к стене дома, и отрицательно качала головой, лишенной прически. Хорошо еще, волосы были немного, отчего головной беспорядок не так резко бросался в глаза. Ее придерживал за женское теплокровное запястье товарищ Загуменных и что-то вежливо говорил, объясняя и даже показывая для наглядности женского ума. На Виталика тетенька произвела сильное впечатление, особенно потому, что она удостоилась беседы с товарищем Загуменных. А кроме того он давно уже не видел никакой особы противоположного пола, и это учинило в нем глубокое сотрясение нервов, так что он снова закрыл глаза и тихо и важно заплакал.

Так вот, постепенно, начало совершаться возвращение Виталика в строй активно функционирующих элементов человеческой живой материи. И в этом трудном деле возрождения совсем было угасшей личности очень помог ему товарищ Загуменных, что на своем одиноком посту боролся с расхитительными и иными дурными привычками нравственно отсталых горожан.

Прежде всего остального тов. Загуменных свел Виталика в близлежащий и очень на вид приличный ЖАКТ, где прописал его как полноценное и полноправное существо нашей человеческой, а не скотской жизни. Стремясь скорейшим образом вернуть Виталику гражданский облик и излечить от внешней и внутренней отвлеченности, товарищ Загуменных направил

его на собрание пенсионеров ЖЭКа, чтобы тот сам убедился как даже маломощные и телесно малопригодные или совсем отошедшие люди активно участвуют в созидательной творческой работе по благоустройству социалистического общежития в лучшую сторону.

Здесь Виталик с удивлением увидел, как столь нерентабельные на вид люди, незначительные от возраста и трудной ранее прожитой жизни, с розовыми затылками и совсем голыми или разве что слегка укрытыми редким пухом головками пламенно воспринимали в себя отдаленные предметы общественного быта и повседневного личного обихода граждан. Все, уже пребывавшее или должное осуществиться, находило горячий отклик в их сердцах. Любой призыв вышестоящих лиц воспринимался как программа действий, и они были готовы, не жалея уже основательно истощенных сил и неприкосновенного запаса трудоспособности, работать, не тратя драгоценного времени на удовлетворение своих мелких старческих склонностей. Здесь были люди разных профессий и по своему социальному составу отличны друг от друга: рабочие и бывшие колхозники, что на старости лет решили приблизиться к городской культуре для увеличения своей духовной ценности на благо общества. Из трудовой интеллигенции были представители пенсионного возраста, столь же пламеневшие и устремленные, как и остальные товарищи. Все они без исключения произвели на Виталика самое благоприятное впечатление. И при виде такого удивительного порыва множество личностей на сердце у него потеплело.

Но товарищ Загуменных этим не удовлетворился. Он свел Виталика в мужскую баню на улицу Чайковского и лично потер ему спину большой мочалкой для очистки его телесного вида от накипи прошлой ошибочной жизни. И Виталик очень старался оправдать доверие товарища Загуменных и скорейшим образом вернуться в строй сознательных борцов на любом фронте и фланге общественного и иного жизненного творчества. Поэтому он даже сам проявил инициативу и сходил в "Планетарий" и "Зоопарк", чтобы лишний раз убедиться каким выгоднейшим образом отличается наша человеческая жизнь от планетного и животного существования и как нужно стараться, чтоб ее — эту самую жизнь заслужить.

Конечно, Виталик, как и многие люди прошлого и нашего времени, был склонен к низменному чувству, но, стремясь оправдать доверие, оказанное ему товарищем Загуменных, он старался побороть тяготение своего некрасивого и временно живущего тела к низестоящим телесным развлечениям, неодолимому хотворенным никакой высокой общей идеей. Живя уже долгое время взрослым человеком, он никогда не задавался рассмотрением общих соображений, а лишь старался по возможности полноценнее удовлетворять свои близлежащие склонности и тяготения. Но все это было в прошлой еще несовершенной Виталиковой жизни.

В настоящее же время, о котором только и идет речь, тов. Загуменных помог ему внедриться в повседневный трудовой процесс, устроив такелажником при автомате с газированной водой. Служба была несложная, но ритмичная, к тому же возникала атмосфера общей работы на благо всех, а време-

нами даже пробуждалось тихое желание высшей сознательной жизни.

Из трубы, соединявшей газированный автомат с обыкновенным городским трубопроводом, постоянно вытекала вода. Лишь частично попадая в нужное место, она струилась по тротуару и, соскальзывая с него, разливалась по панелях, создавая тем самым излишние неудобства для транспорта и пешеходов. И кое у кого могло возникнуть мнение о недосмотре, халатном отношении или даже мелком вредительстве. И вот во избежание всех этих недоразумений, Виталик совком собирал изливавшуюся воду и складывал ее в детское ведерко, полученное в подарок от тов. Загуменных, а потом относил наполненное ведро и выливал водичку в неровность асфальтовой почвы, где, возможно, в конце концов мог вырасти какойнибудь цветочек бедной городской флоры, а в случае удачного соединения солнечных и иных лучей, идущих из далекого космоса, с регулярной поливкой — и маленьких размеров дерево. Виталик трудился совестливо, с напряжением всей низшей мускульной энергии. Но ему было трудно, потому, что за время своей животной жизни он очень истомился душевно, и сила его обветшала.

Постепенно Виталик освоился, легче стал двигать ногами, переносил ведерко с излишком воды в трещину земного основания, где благодаря его усердию уже проявила себя кое-какая травка зеленого цвета. Прошлое все меньше тревожило его сердце и внешнюю зримую телесность, ибо они были полны новыми неведомыми дотоле заботами и

восторгами. Но неожиданно скудная доля его вновь обнаружилась, лишив работы и крова. Вдруг вышел указ заделывать все щели в плоской поверхности ленинградских улиц, чтоб ниоткуда не было сквозняка и не дули простудные ветры на трудящуюся единицу, вызывая потери рабочего времени, простой механизмов и пониженную производительность труда. Автомат как проржавленное отслужившее железо погрузили на грузовик и увезли в неизвестном направлении. Вода в трубе прекратила свое течение. Виталик остался один. Он долго смотрел вслед ушедшей машине, моргал глазами и шурился на желтое, отходившее к вечеру солнце. Потом огляделся по сторонам, заглянул мельком за водосточную трубу и в подворотню с большими алюминиевыми бачками, но нигде не было товарища Загуменных. Весь он был в делах и заботах по своему внутренним дел<sup>с</sup> ведомству. И пошел тогда Виталик просто так, прямо, не разбирая никакой дороги и не интересуясь ничем, посторонним для его внутренних органов.

Подумал было Виталик вернуться домой, но понял, что соседи от оставленного им сквозняка давно перемерли да и его самого непременно лишили прописки, как выбывшего из жизни человека.

Он брел, не преследуя определ<sup>е</sup>нной эгоистической цели, как ходит большинство людей, и не в поисках тихой пристани, а просто потому, что у него были ноги, которыми полагается ходить. Так вот Виталик мог дойти до пределов людской жизни, где кончалась суша и начиналась морская влага и глубь без твердой под ногами почвы, необходимой

для жизни. А так как Виталик не питал к себе никакого зрительного сочувствия, то ему не трудно было погрузиться в эту пучину, что окружает землю, и в силу отсутствия человеческой ~~привычки~~ <sup>дыхания</sup> жить в водяных массах, он лишил бы себя возможности легкими и поневоле остановил тем самым работу сердца и необходимую для головы и тела перегонку крови.

Но к счастью Виталик набрал на Петра Палыча, который вывел его из состояния зрительной и умственной тусклости. Петр Палыч горестно оглядел своего друга и, ни о чем не спрашивал, повел Виталика за собой, опекая и сочувствуя его болезненному внешнему и внутреннему содержанию. Петр Палыч привел опечаленного человека в маленький подвальчик в глубине большого двора, где он работал приемщиком винной и иной водочной стеклотары. В помещении, куда они пришли, было прохладно, пахло свежим зеленым огурцом и свиной тушонкой. Петр Палыч усадил Виталика на порожний от распивочного стекла ящик, дал ему в руку огурец, посыпанный солью, и другим имевшуюся у него пищу. И Виталик, уже отвыкший от калорийной человеческой еды, стал тихонько сосать огурец и жевать мясо бывшей ранее в жизни свиньи. Поевши, Виталик поселился среди деревянных отечественных ящиков и импортной пластмассовой тары. По ночам он тихо и беззвучно спал, а в дневное время отпущенное для работы время варил картошку и ходил в бакалейный гастроном с винным отделом с целью ускорения приемки и сдачи гражданами опорожненных ими стеклянных изделий. В ~~своей~~ беззвучной жизни Виталик

иногда грустно вспоминал тов. Загуменных и пламенных пен<sup>и</sup>сионеров с Ковенского переулка. В течение трудового дня к Петру Палычу заходили разные дружески настроенные к нему люди. Они пили 72-ой портвейн, иссушающий телесные и нравственные силы нашего организма, и говорили о женщинах и Наполеоне Бонапарте. Но Виталик не участвовал в этих разговорах, потому что испытанные горести открыли его душу для более сложных переживаний, и она теперь не могла увлекаться предметами сомнительной духовной ценности. Больно было ему смотреть на людей, что тратили свой редкий мозг на виноделие и немощный сердцем женский пол. Но он не знал средства, которое помогает беспомощным разумом людям исправиться и соскрести с души накопившуюся ошибочную жизнь.

Однажды, проснувшись задолго до положенного часа прихода Петра Палыча, когда светило дневного времени еще не приподнялось над горизонтом земли, Виталик понял, что больше не может жить столь неосмысленной внутри и внешне жизнью и решил покинуть гостеприимный, но лишенный целенаправленности стеклотарный пункт, чтобы куда-нибудь уйти в поисках нужного предназначенного ему места. Виталик нашел кусочек карандаша и лист бумаги, нетронутый рукой человека, но нужные слова не открылись в нем, ибо трудно было объяснить свою великую нужду, происходившую от заблуждений сердца и человеческого худого рассудка. Он ушел из-за закрытости входной двери через дыру для выгрузки стеклотары, тихо пролез между прутьев решетки и побрел в ранний предрассветный час возникавшего светлого времени.

Весь этот день он проплакал внутри в душевной пустоте и тягости своей непосильной жизненной задачи, а к вечеру взобрался на парходик, что курсировал в белые безветренные ночи по речным артериям города, не выходя за пределы заселенной человеком жизни в глубоко текущие воды океана. На корме Виталик нашел скамейку и, забравшись под нее, стал там жить. Парходик с легким потемнением дневного света заводил свой двигатель и, поддерживаемый водной толщей, плыл, останавливаясь у маленьких зеленых причалов, набирал ночной бессонный люд и плыл дальше, а днем дремал у заброшенной пристани, давая механический мускульный отдых мотору и команде. Виталик из-под скамейки не вылезал и никак не двигался, ибо все жизненные органические процессы замедлились в его теле и происходили столь невидным образом, что низшее материальное вещество, из которого он состоял, перестало нуждаться во внешнем, снаружи идущем направлении. По ночам молодые не склонные к домашнему очагу люди садились на скамейку, и тепло, что излучали их ноги, согревало его. И, убаюканный этим теплом, голосами, легким покачиванием водной глади, он засыпал под пластиночную музыку парходной радиолы. Постепенно Виталик стал походить на ветошь, которой протирают металлические части пархода для внешнего зрительного блеска. И если кто замечал его, то думал, что это негодная, вышедшая из употребления вещь, оставленная нерадивым матросом. Казалось, Виталик нашел наконец предназначенное ему место и тихую

неподвластную болезням и земным горестям жизнь.

Так вот, незаметно, он должен был превратиться в другое-живущее и даже одушевленное, но побочное человеку существо: в грибок на стенках пароходика, речную водоросль или просто в заплесневелый налет неизвестной по названию растительности. Но однажды Виталик вдруг услышал, как его кто-то зовет по имени, а открыв глаза, увидел тов.Загуменных, который поднял Виталика на руки и, прижимая к груди, заплакал. Выплакав всю свою мужскую силу сострадания и любви к ближнему, он осторожно посадил его на скамейку и побежал в буфет за вином и закуской. Но Виталик отказался за ненадобностью его организма в калориях еды и питья и потому, что, отвыкнув сильно от общественного питания, боялся, что ему станет плохо.

"Тело неважное у тебя,—сказал тов.Загуменных, выпив стакан,— а все оттого, что спортом не занимаешься, спишь только. На свежем воздухе — оно полезно. Но, недостаточно".

Виталик ничего не промолвил в ответ, сознавая правдивость слов тов.Загуменных, а только решил спросить насчет пламенных пенсионеров, чтобы перевести разговор на другие далекие от его жизни и собственного личного тела рельсы.

Товарищ Загуменных от этого вопроса страшно весь осветился, а потом, опустив голову, тихо сказал:

"Воспламенились! Все! До единого! Однажды собрались как обычно, но накал, видимо, слишком сильный был в

связи с последними призывами, вот и не выдержали напряжения. В один момент вспыхнули и сгорели. Кос-точек, чтоб по-человечески похоронить, и то не собрал. Пепел один, да немного неорганической не горящей дряни. Вот и все, что осталось от единственного, может быть, на всю планету общежития".

Молча служил Виталик, не показывая как потрясло его это событие. Глаза его остались сухими, только сразу от услышанного горя сильно воспалились.

"Я,— продолжал тов. Загуменных—как полагается, послал срочную бумагу по начальству, даже в Москву собирался писать, но не успел. Велели подать в отставку без пособия, словно и не служил никогда в войске по охране порядка и справедливости. И звездочкой, хотя б незначительной самой, отказались компенсировать позор мой и будущее безденежное состояние".

Виталика эта весть совсем согнула, стал он думать, что б такое утешительное сказать, но ничего не придумал и продолжал горестно и бессловесно слушать.

"Но в отставке есть своя радость,— продолжал тов. Загуменных,— потому что я теперь личность без ответственности и свободно распоряжаюсь своим телом и мозговой оболочкой. Каждая моя извилина в настоящее время в полной моей собственности. Владею ею безотчетно и пить могу до полного истощения нервной системы и упадка мозжечка".

Нужно сказать, что тов. Загуменных несколько опьянел и теперь в воображении, открывшемся в голове, всп-

львала то одна звездочка, то две, а иногда и все пять одновременно вспыхивали соблазнительным блеском. Только не мог тов.Загуменных никак понять, какого рода и качества были эти звездочки, то ли военные погонные украшения, то ли коньячные пятиконечные звезды, что производят в основном кавказские народы нашей державы.

Виталик заметил горестное состояние своего товарища и понял, что бесполезны слова утешения при столь безысходном переживании. Решился сказать только, что земля еще не весь мир, что много планет и поблизости есть, не говоря уж об отдаленных от Ленинграда безднах космоса. И раз здесь, на земле, где человеку определено местожительство и предназначена безвездная жизнь, столь неудачно и несчастливым образом все складывается, то нужно подумать и выхлопотать разрешение на выезд, получить визу в более отдаленные области вселенной. Возможно, даже за пределы солнечной системы, поскольку, как выяснилось в последнее время, и в ней не обнаружено и не намечается в ближайшем будущем товарищеского расположения к человеку со стороны первичных природных сил.

"Конечно, в бесконечности есть красивые места, луна, например, или планета Венера, где <sup>никогда</sup> ~~никогда~~ голубого цвета, а я голубое больше всех цветов люблю, питаю к нему наивысшую слабость", — согласился тов.Загуменных.

Виталик несколько успокоился за своего друга и, когда пароход подошел к пристани, попросил вынести его на набережную по причине еще имевшейся непрочности членов и общей слабости в организме. Поставленный ногами

на землю, облицованную гранитом, Виталик побрел к большому видневшемуся вдали мосту. Шел он совсем успокоенный и тихий внутри, ибо почувствовал, что скоро, совсем через короткий срок времени, разрешатся самым счастливым образом все его горестные недоумения.

Виталик миновал опустевшую городскую землю, среди которой речная вода текла в океан. Его, неслышно бредущего в отдаленную предназначенную местность, окружала одна неорганическая из камня материя, ибо все живое уже уснуло. Тело земли тихим и невозмущенным было. Виталик вслушивался в эту тишину остановившимся лицом, он видел как без скрипа и поломки вращались светила, и радовался тому, что каждое из них было хорошо смазано и находилось в положенном ему месте. Не замечалось в них никакой заброшенности и сиротства, столь свойственных неустроенному человеческому быту.

Скоро Виталик достиг потерянной окраинной жизни, где небесные звезды светили чаще и слышно было, как растет трава, а по жилам деревьев струится кровь и молоко земли. Сквозь живущую в забытой почве природу Виталик различил движение водной речной стихии и пошел вдоль воды, текущей в близлежащее место. Перевернутые лодки, рыбацьи баркасы и маленькие суда для частных прогулок граждан лежали, вытасенные на утопанную прибрежную сушу для отдыха и древесного без воды сна. Пройдя вниз по течению, он свернул налево и, войдя в широкие каменные ворота, оказался на кладбище. Но Виталик знал, что кладбище — духовная лечебница для непросветленного чело-

веческого мозга и, счастливый, зашагал по узким дорожкам и вновь вышел к реке, где мелкие облака уже поднимались от земли к небу. Он увидел круглый равномерно мерцавший небесный свод, и слезы закапали из крохотных оставшихся глаз.

"Человек,—подумал Виталик,— лишь неодушевленный предмет с малым удельным весом, непрочный на удар и давление посторонних стихийных явлений, и только светила, да планеты Солнечной и других далее отстоящих систем вечно живые и родственные лично ему существа".

Взошла луна. Все вокруг задвигалось и ожило. Повсюду разлилось пламя голубого-любимого товарищем Загуменных — цвета. Хотел Виталик попрощаться со своим единственным другом и выпросить у него извинения, если что не так было, но не успел.

Лунный свет коснулся его ветхой давно не стиранной одежды, дотронулся до небритого от запущенного волоса лица, опалил глаза, острая, но любезная по давней потребности и целебному действию, боль разбила голову и грудь. Красная жидкость — кровь его — поднялась, как прилив. Соленая влага бушевала в теле, омывая острова и материи его естества. Неведомая сила, сила обратного притяжения вознесла Виталика. Лунный свет торжественным потоком проник внутрь, отделяя элемент за элементом: воздух, вода, огонь, земля, огонь ....

24 июня — 3 июля 1975 г.